

Источник публикации:

Гребёнкин, Н. Гродненская милиция: становление в борьбе, часть 2: [Становление и развитие органов и подразделений внутренних дел Гродненщины] [Электронный ресурс]/ Николай Гребёнкин // Тутэйшы. – 2022. – Режим доступа:

<https://tutejszy.ru/grodnenskaya/grodnenskij/grodno/620-prodolzhenie-stati-grodnenskaya-militsiya-stanovlenie-v-borbe-chast-2-ya>. – Дата доступа: 02.02.2024

Немало понюхавших пороху людей было сплочено в рядах Федерации польских союзов защитников отечества. Ее члены вполне могли возглавить движение сопротивления и стать резервом руководящих кадров для повстанцев. Кто же состоял в этой федерации? В ее рядах были сгруппированы те, кто имел возраст в 40-50 лет, ранее воевал на фронтах Первой мировой войны или боролся в 1918-1920 годах за воссоздание Польши, - бывшие легионеры и члены Польской Военной Организации.

Также к ним примыкали армейские резервисты. Многие из них занимали руководящие посты в общественных и государственных структурах, имели влияние и обширные связи, обладали материальными и финансовыми ресурсами. С началом Второй мировой войны, когда Германия начала в 1939 году войну с Польшей, эти чиновники провели большую организационную работу в своих регионах по подготовке населения к обороне страны. Под их руководством создавались резервные склады вооружения, боеприпасов и военной амуниции, прятались в надежных хранилищах продовольствие, фураж и денежные средства, то есть были подготовлены запасы для конспиративных сил сопротивления.

Наиболее активно эти силы стали действовать в октябре-декабре 1939 года в Вильно, где был создан руководящий центр. Следующим значительным пунктом сосредоточения повстанческих группировок являлось Гродно с окрестными деревнями. А затем уже, вслед за ними, крупным регионом антисоветского подполья в 1939-1941 годах можно назвать Лиду вместе с территориями бывшего Лидского повета. Следует отметить, что в отличие от других городов Принеманского края, Гродно и Лида в 1939 году были более населенными и промышленно развитыми поветовыми центрами. Так, в Гродно имелось свыше 49 тысяч жителей, а в Лиде – 33 тысячи. Новогрудок, являвшийся в 20-30-е годы прошлого века центром воеводства, сильно уступал им во всех отношениях. В нем проживало всего лишь 13 тысяч населения, довольно слабо была развита промышленность. И нужно отметить, что в 1940 году здесь не ощущалось большого польского влияния. Возможно, причина ослабления позиций антисоветских сил в новогрудском регионе заключалась в том, что местное население здесь в большинстве своем было белорусской национальности, а в местечках преобладали евреи.

Но следует учитывать тот факт, что в Новогрудском воеводстве правительством II Речи Посполитой проводилась политика внутренней колонизации. Поэтому основной опорой польского государства на этих землях являлись большие семьи осадников, прибывших сюда на жительство из центральных воеводств. Подтверждением этому служит интересный в историческом аспекте документ из государственного архива Брестской области. Он хранится в фонде докладных записок Барановичского обкома Компартии Белоруссии за 1940 год. Изучая в этот период общественно-политическую обстановку, сотрудники НКВД не обходили вниманием и исследовательскую литературу, подготовленную польскими научными учреждениями. Один из таких документов был переведен и направлен для изучения руководству обкома. Интересен тот факт (и это находит отражение в документе), что официальные круги Польши в 20-е годы не считали территории Восточных Кресов исконно польскими и понимали всю сложность решения вопроса их колонизации. Но такие попытки все-таки предпринимались, и они были связаны с употреблением силовых методов и, в частности, с применением в широких масштабах военной колонизации.

В Новогрудском воеводстве в 1933 году было зарегистрировано 1762 усадьбы военных осадников, что составляло 22,5% от всех участков, находящихся на территории восточных земель, охваченных колонизацией. Приблизительно от 200 до 300 осад в каждом повете насчитывалось по Барановичскому, Лидскому, Несвижскому, Новогрудскому, Слонимскому поветам. Точного подсчета членов всех семей осадников не проводилось, но согласно статистике одна такая семья состояла в среднем из 5-6 человек. Отсюда следует, что общее число членов семей именно военных осадников по Новогрудскому воеводству составляло приблизительно свыше 9 тысяч человек. Из числа соседних осад образовывались военные поселки. В таких поселках по Новогрудскому воеводству насчитывалось в среднем по 8 осад и только в поселке Пузеневици в Новогрудском повете насчитывалось около пяти десятков осаднических участков. Кроме этого, по данному воеводству имелось еще 16 поселков с числом усадебных построек от 20 до 40. Остальные же включают в себя количество участков с числом или до 10 или более 10.

Гражданское осадничество в Новогрудском воеводстве имело самостоятельный характер, то есть не регулировалось полностью государством. Рост таких поселений зависел от хорошей или плохой экономической конъюнктуры в противоположность военному осадничеству, которое усиливалось или ослабевало в зависимости от количества земли, имевшейся у государства для этих целей. В целом возникло 612 хозяйств гражданских осадников в аграрном секторе. Специальная колонизация городов основывалась на раздаче государством пригородных участков, на которых поселялись польские чиновники, ремесленники и другие специалисты. До 1932 года в городах и местечках Новогрудского воеводства возникло 502 городских усадебных участка, то есть 11,1% от общего числа пригородных поселений, основанных на восточных землях Польши.

Наибольшее число индивидуальных поселений в городах и местечках создавалось в Воложинском, Слонимском и Барановичском поветах. Слоним и Барановичи были привлекательны для гражданского осадничества как города, которые являлись очагами промышленного развития и важными транспортными узлами. Подводя итог, в результате суммирования количества участков военных осадников (1762 хозяйства), а также гражданских аграрных поселений (612) и количества участков в городах и местечках (502) получается в итоге число, равное 2876 хозяйствам в пределах Новогрудского воеводства.

Нужно отметить, что территория созданной в декабре 1939 года Барановичской области в основном совпадала с административными границами Новогрудского воеводства. Только вместо 8 бывших поветов были сформированы более малые территориальные образования – районы, которых в составе области насчитывалось 26. В этом было и свое преимущество, так как такое раздробление административно-территориальных органов власти позволяло на меньшей территории более эффективно контролировать довольно сложную криминальную и политическую ситуацию.

Наибольшую опасность для вновь созданных органов советской власти представляли жители поселков, в которых были объединены военные осадники. Все они имели в своем распоряжении огнестрельное оружие, разрешение на пользование которым им было выдано польским государством. В 20-30-е годы осадники исполняли полномочия негласного административного надзора за поведением и политическими настроениями местного населения. В целом же, военные и гражданские осадники являлись основной и наиболее надежной опорой руководящих центров польского движения сопротивления, планировавших создание конспиративной сети и готовивших вооруженное выступление против советской власти. И хотя точных данных в нашем распоряжении нет, но можно

предположительно утверждать (исходя из количества хозяйств осадников), что в пределах Барановичской области из числа жителей осад руководители сопротивления могли мобилизовать в момент восстания от 5 до 10 тысяч человек.

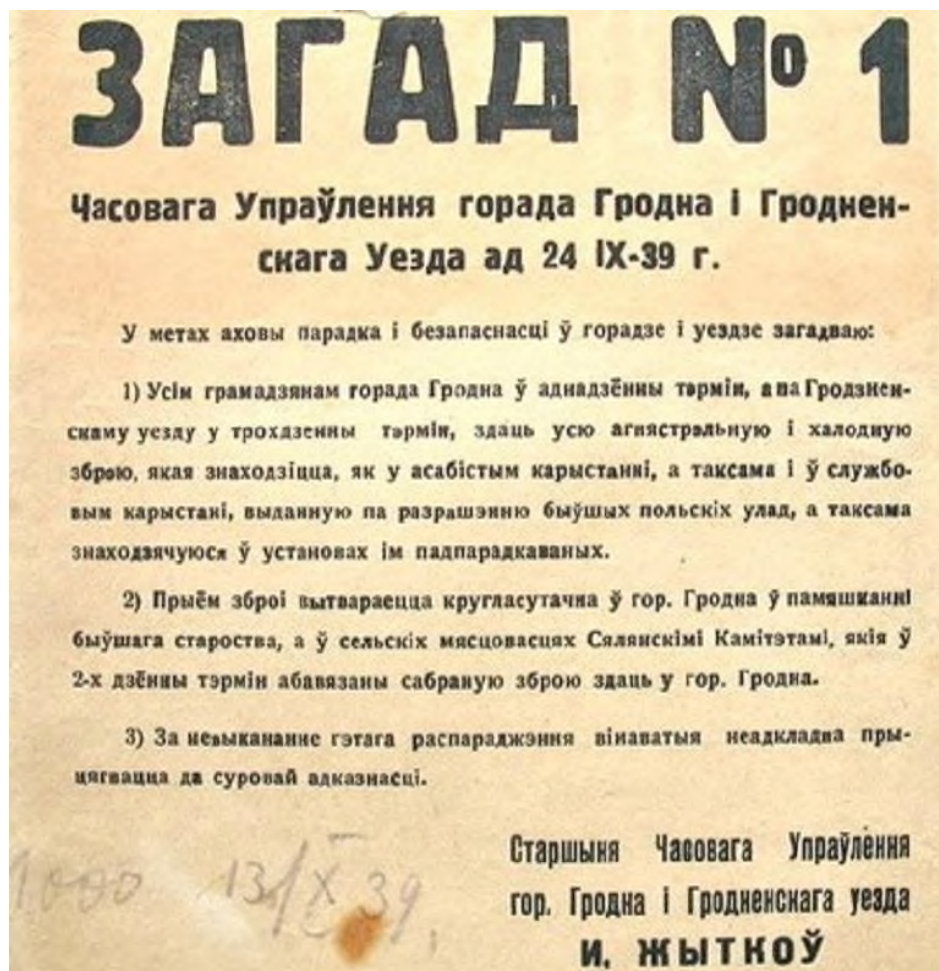
Уже упоминалось о формировании в Восточных Кресах осенью 1939 года резервных складов и хранилищ для создания в последующем польских партизанских отрядов и диверсионных групп. Решающую роль в их функционировании играли лесники, лесничие, техники и инженеры государственных учреждений лесоохраны Польши. В период 20-30-х годов все они проходили специальную подготовку по организации и проведению в военный период повстанческой деятельности. Занятия лесников часто совмещались с военизированным обучением взрослых членов семей осадников, и они четко знали свои обязанности во время подготовки к вооруженной борьбе или при непосредственных военных действиях. В лесистой местности в каждой гмине имелись строго засекреченные опорные базы с необходимыми запасами. Уже в начале зимы 1939 года органы НКВД Белостокской и Барановичской областей располагали сведениями о наличии таких баз в Гродненской, Беловежской, Налибокской пущах, а в окрестностях Лиды они были зафиксированы в Ваверской и Радунской гминах, а также возле местечка Собакинцы (ныне поселок Первомайский).

В этих условиях, перед органами внутренних дел, с первых же дней их становления, был обозначен широкий фронт работы по проведению оперативного учета всех колонистов, комбатантов, офицеров и подофицеров резерва, руководителей военизированных формирований и многих других категорий граждан, склонных к переходу на нелегальное положение или уже скрывающихся в лесах. Вслед за этим, органы НКВД разрабатывали и претворяли в жизнь мероприятия по пресечению агрессивных действий, предпринимаемых руководящими центрами сил сопротивления. Исходя из реалий того времени, нужно подчеркнуть, что в работе милиции в период 30-40-х годов прошлого века было больше политических составных частей, чем борьбы с чисто уголовными проявлениями. Но, в определенных условиях, между политикой и уголовщиной разделительная грань стирается, и тогда они тесно переплетаются между собой. И те, и другие виды преступных действий, если они имеют в основе насильственные и антигосударственные намерения, относятся к действиям с ярко выраженным криминальным характером.

Глава 2. Аресты эмиссаров и террористов

Для того чтобы читателям были более понятны задачи и обязанности, которые исполняла милиция в период 30-40-х годов прошлого столетия, напомним об основных государственных функциях органов Наркомата внутренних дел. Сотрудники этого комиссариата (с 1946 года – министерства) планировали, подготавливали и претворяли в жизнь мероприятия, обеспечивавшие внутреннюю и внешнюю безопасность советского государства, а также надежное функционирование его общественно-политического механизма.

Так, в составе НКВД находились пограничные войска, и милиция тесно взаимодействовала с ними по вопросам охраны границ. В обязанности сотрудников комиссариата входила борьба со шпионажем, диверсиями, терроризмом, бандитизмом и другими опасными преступлениями. Подразделения органов внутренних дел вели следствие и осуществляли содержание подследственных в местах предварительного заключения. НКВД руководил вопросами организации процесса отбытия наказания, то есть содержанием тюрем, исправительно-трудовых лагерей и принудительных трудовых поселений. Специальные подразделения несли службу по охране важнейших железнодорожных магистралей, крупных мостов, контролировали строительство и содержание шоссейных дорог и автотранспорта, обеспечивали пожарную безопасность. В подчинении наркомата находились войска специального назначения, исполняющие обязанности по обеспечения внутренней безопасности.

Рабоче-крестьянская милиция, входившая в состав НКВД, исполняла функции, которые в некоторой мере отличались от задач современной милиции. Но, как и во все времена, основными «пахарями» в этот период были сотрудники, непосредственно работающие среди населения. К их числу относились оперативники и участковые. Именно им приходилось не только раскрывать уголовные преступления, но и непосредственно задерживать членов подпольных организаций, прочесывать леса в поисках нелегалов, бандитов, террористов. Милиция делала все от нее зависящее для того, чтобы бдительно и самоотверженно защищать государственные интересы и обезопасить жизнь населения. Предлагаем продолжение повествования о борьбе органов НКВД с внешними и внутренними антисоветскими силами в преддверии Великой Отечественной войны.

2.1. Заговор назревал

Советская разведывательная служба докладывала руководству НКВД о том, что польское правительство в эмиграции принимает все меры для создания разветвленной сети тайных организаций под названием «Союз вооруженной борьбы». В конце 1939 года в Москву доставили текст секретной инструкции польского правительства, в котором давались основные указания общественности по развертыванию партизанской борьбы. В ней говорилось о том, что на территории Польши, занятой Германией и СССР, структуры действующего сопротивления создаются в настоящее время самопроизвольно. Они должны объединяться между собой, а также оказаться под военной командой, став частью вооруженных сил Польши, резерв которых находится в эмиграции. Тайные организации, создаваемые в городах и селах, всю свою работу должны проводить под руководством окружных комендантов «Союза вооруженной борьбы», которые подчиняются главному коменданту, а последний – Верховному командующему Войска Польского.

Из содержания этой инструкции становилось понятно, что готовится вооруженное сопротивление, которое должно иметь широкую поддержку среди местного населения. В первую очередь, руководство «Союза вооруженной борьбы» делало ставку на те регионы Западной Белоруссии, где преобладало население польской национальности. В Принеманье это были многие районы из состава Белостокской и Барановичской областей. Такое развитие событий представляло серьезную угрозу для западных рубежей Советского Союза. И поэтому сюда были посланы по указанию НКВД СССР лучшие кадры оперативных сотрудников, по мере необходимости постоянно увеличивалась их численность. Такая поддержка была жизненно необходима, так как местные органы внутренних дел находились пока только на стадии организационного становления.

Упустить время, потерять инициативу было небезопасно. Сотрудники спецслужб должны были реагировать упреждающе, так как множественные факторы действовали в

противовес советским правоохранительным органам. Эмигрантские центры пытались организовать масштабное насаждение в Западной Белоруссии и Украине различного рода эмиссаров, то есть лиц, посылаемых с неофициальной и секретной миссией. В Принеманский край они попадали в большинстве с литовской территории, так как именно там сконцентрировались руководящие структуры польского подполья. Зоной влияния виленского центра стали такие бывшие поветы: Гродненский, Лидский, Щучинский, Ошмянский, Воложинский и Новогрудский. По мере возможности эмиссары планировали постепенно проникать и в районы, отдаленные от западных границ СССР. Но, в первую очередь, перед ними была поставлена задача быстро организовать повстанческие структуры в районах, примыкающих к Литве. Здесь было легче наладить надежные каналы связи эмиссаров с центром, осуществлять финансирование и материальное обеспечение сил сопротивления. Предугадывая ход развития событий, начальники Управлений НКВД по Белостокской и Барановичской областям в начале декабря 1939 года направили в подчиненные отделы и отделения циркулярные письма, в которых приводились примеры активной деятельности конспираторов и намечались меры для организации работы с учетом сложившейся обстановки.

Перескажем некоторые характерные примеры из этих документов. Так, в них указывалось, что «...с момента распада Польши по заданию разведорганов данного государства на территории Западной Белоруссии оставлены на жительство или позднее переправлены сюда многочисленные эмиссары, имеющие задание сколачивать группировки националистической контрреволюционной организации, деятельность которой будет направлена против советской власти.

Уже в октябре этого года контрреволюционные элементы предпринимали попытки дестабилизировать обстановку в Белостоке в день проведения Народного собрания с участием представителей населения Западной Белоруссии. Руководил этой террористической группой бывший доброволец войны 1920 года под псевдонимом «Кзенка». Контрреволюционеры привезли из города Лапы в Белосток необходимое оружие. Для участия в теракте из Гродно в Белосток должны были прибыть 30 офицеров Войска Польского, многие из их числа являются резервистами. Они составляли боевую группу. В Белостоке к ним планировалось присоединить еще 15 человек из местных жителей. Эти люди должны были подвезти оружие к месту теракта и оказывать боевикам всевозможную помощь, в том числе обеспечить им пути отхода после нападения на заседание Народного собрания. Одновременно вторая группа повстанцев из Белостока планировала нападение на здание Временного Управления, осуществлявшего функции органа власти. В распоряжении бандитов имелось 3 пулемета, более 3 тысяч патронов, гранаты, карабины. Были предприняты меры по обезвреживанию террористов. За 4 дня до начала заседания Народного Собрания, то есть 24 октября 1939 года, большинство участников этого теракта были арестованы.

Различного рода эмиссары проводят в Гродно организационную работу по созданию конспиративных структур среди гимназистов и преподавателей. Нужно отметить, что еще в сентябре 1939 года педагоги и ученики старших классов создавали вооруженные отряды, в состав которых входили члены «Стрелецкого Союза». Они были хорошо вооружены и оказывали яростное сопротивление подразделениям Красной Армии. Так, после подавления их сопротивления, в здании гродненского стрелецкого клуба было обнаружено несколько пулеметов, ящики с карабинами и гранатами и 80 тысяч патронов. Часть карабинов молодые люди унесли с собой. В ноябре было установлено, что в гродненском коммерческом лицее (приватное учебное заведение), среди учащихся 18-20 лет создаются повстанческие формирования под руководством офицеров резерва, являющихся преподавателями лицея. Участники этой организации ставят перед собой

задачу проводить военное обучение и подготовить молодежь к восстанию, которое намечается на весну 1940 года. Планируется, что из числа гимназистов и других волонтеров будут созданы 2 эскадрона кавалерии и 1 пехотное подразделение для поддержки конницы. После вербовки необходимого количества людей, будущие кавалеристы к концу зимы оставят учебу и перейдут на нелегальное положение, сосредотачиваясь в гродненских лесах. Постепенно, небольшими группами они перейдут через границу и сконцентрируются в Литве, в окрестностях Вильно. Там, в имениях и богатых хозяйствах, имеется все необходимое для кавалерийской подготовки.

Низовые ячейки и группировки создаются офицерами и подофицерами, вербующими в ряды сопротивления студентов, гимназистов, членов стрелецких отделов и членов семей осадников, лесников. Немаловажную роль здесь играют жены офицеров и студентки, школьницы, состоявшие ранее в женских стрелецких отделах. Они используются для проведения разведки и выполняют функции связисток между группами повстанцев. Разведчики ведут наблюдение за частями Красной Армии, собирают сведения о командном составе, а также вербуют для себя осведомителей из обслуживающего персонала гостиниц, общежитий, ресторанов, кафе и столовых, где проживают и питаются военнослужащие РККА. Путем слежки за их передвижением, а также при общении с ними, разведчикам удается устанавливать сведения о размещении частей, штабов, складов и других военных объектов, линий специальной связи и центров управления войсками».

Следует отметить, что далее в этом документе перечислялись конкретные оперативные задачи, намеченные органами НКВД по пресечению любых попыток дестабилизации политической обстановки и ослабления обороноспособности Красной Армии. Указания были приняты к исполнению, и уже к началу зимы 1939 года оперативные службы Гродненского горотдела НКВД зафиксировали факты появления в городе и близлежащих деревнях большого количества пока еще разрозненных антисоветских группировок, пытавшихся объединиться под началом единого руководящего центра. Также были установлены неоднократные поездки связных из различных гродненских группировок в Лиду, где они сначала останавливались у родственников или знакомых. Через некоторое время, в дома, где они жили, приходили

другие связные, указывающие время и место встречи с одним и тем же человеком. Неизвестный встречался с ними в Лиде на четырех конспиративных квартирах. Встречи проходили в частных домах, хозяева которых предпочли скрыться из Лиды и были нелегально переправлены в Литву.

2.2. Тайные визиты

Узнать какие-либо сведения о незнакомце на первых порах было довольно сложно. Связные знали о нем также немного. Среди подпольщиков он называл себя армейским капитаном и представлялся всем под псевдонимом Костэк. Чтобы не вызвать подозрения со стороны подпольщиков, оперативным сотрудникам необходимо было в этот период только следить за поведением Костэка и устанавливать круг его знакомых, узнавать адреса посещавших его людей и их фамилии. Было важно действовать так, чтобы Костэк не чувствовал, что его поведение контролируется сотрудниками НКВД, и продолжал активно контактировать с подпольными структурами. Через эти связи можно было постепенно установить многие сведения о том, в каких населенных пунктах размещались ячейки организации.

Костэк нередко менял места жительства, но было установлено, что чаще всего он ходит ночевать в одну из частных гостиниц, которая к концу 1939 года уже была муниципализирована и находилась в распоряжении коммунхоза, но имела еще старый обслуживающий персонал. Из негласной беседы с истопником этой гостиницы удалось узнать, что Костэк прибыл в Лиду из Вильно в конце сентября 1939 года. После пешего перехода сырой холодной ночью он простудился и заболел тяжелой формой бронхита. В октябре он послал истопника за доктором. Пока местный врач консультировал его по поводу болезни и оказывал помощь, капитан интересовался у медика его знакомыми из городского общества. Он узнавал у доктора адреса многих влиятельных горожан, просил передать им просьбу о встречах с Костэком, назначал даты визитов.

Опросив доктора, сотрудники Лидского горотдела узнали много сведений о первоначальных контактах Костэка с авторитетными людьми. Выяснилось, что в Лиде или близлежащих районах скрывается даже Главный комендант «Стрелецкого Союза» по фамилии Мальский, занимавший эту должность в 30-е годы. Он был военным осадником и владел земельным наделом в Еткишках (в окрестностях д. Бенякони). В. Мальский являлся послом сейма и сенатором Польши, обладавшим ранее большими полномочиями. Именно с такими влиятельными чиновниками желал наладить взаимодействие капитан Костэк. И это ему во многом удалось. После выздоровления Костэк стал лично ездить в некоторые города и устанавливать контакты.

Как кадровый офицер, капитан служил в частях пограничной охраны до 1938 года, после чего в возрасте 45 лет вышел в отставку. Но, в связи с начавшейся войной, в 1939 году был мобилизован и ждал назначения в войска, находясь в Вильно. В конце сентября этого же года он был вызван на заседание виленского центра подпольной и диверсионной деятельности и получил задание создать конспиративную сеть в Лиде, Гродно и Белостоке. В дальнейшем центр планировал поручить капитану охватить своим влиянием районы Слонима, Мостов, Волковыска, Баранович, Бреста.

В октябре Костэку удалось завербовать в зоне своих действий 20 человек. Это были люди, о которых ему сообщили в виленском центре, а также волонтеры, подобранные лично им из числа бывших чиновников. Костэк разрешил им вербовку людей в малые группы, оговорив условие, что каждый вошедший в состав такой ячейки, в свою очередь, создает новую и руководит ею. При этом капитан предупреждал о необходимости строгой конспирации и ставил задачи по приобретению и учету оружия. Назначенные им

руководители должны были в конце ноября сообщить о результатах. Позже Костэк узнал от них, что к началу декабря было завербовано более 200 человек. В ночь с 29 на 30 ноября 1939 года капитан нелегально перешел границу из СССР в Литву и направился с докладом в Вильно.

Там Костэк получил более детальные инструкции по методам конспирации и формам организационной структуры подполья. Движение сопротивления должно было создаваться по армейскому принципу с соблюдением трехчисловой системы. Например, дружина должна была иметь три отделения по 3-5 человек, из трех дружин создавался взвод (плютон), три взвода составляли роту (компанию), три роты объединялись в батальон. Более крупные единицы, чем батальон, создавать не предполагалось. В целях конспирации было установлено, что руководитель каждой боевой единицы знал только трех руководителей подчинившихся ему подразделений.

Vilnius, Stadtmitte.

Создание военной организации предполагало образование штаба, состоящего из пяти отделений. Первое отделение, организационное, должно было определить структуру подполья, назначать руководителей подразделений и возглавить работу штаба. Второе, информационное, занималось вопросами разведки сведений о противнике. В третьем, административном, сосредотачивались все сведения об оружии для повстанцев, о снабжении продовольствием в период восстания, о медперсонале и медикаментах. Данному отделению необходимо было учесть людей, пользующихся доверием у населения, для назначения их после захвата власти на административные должности. Четвертое отделение обязано было вести учет мобилизационных резервов, то есть собирать сведения о людях призывного возраста из числа поляков, чтобы в момент успешного проведения восстания начать мобилизацию резервистов. Пятое, исполнительное отделение, осуществляло надзор за членами организации по недопущению провала подпольной работы и вело борьбу с людьми, опасными для повстанческой деятельности.

Костэк понимал, что требовалось создать каналы надежной переправы курьеров связи через советско-литовскую границу. С каждым месяцем охрана границы все усиливалась, увеличивалось количество задержанных за ее нелегальное пересечение. После согласования этого вопроса с центром капитану удалось быстро организовать группы по переправке курьеров в районе Эйшишек. Вскоре капитан вернулся из Вильно в Лиду и наметил план своих дальнейших действий. Основной его задачей на этот период

являлось объединение уже существующих организаций под единое руководство. Костэк сразу же принимает меры по налаживанию контактов с движением сопротивления в близлежащих городах, так как для связи с дальними требовалось больше времени и средств. Одновременно с поездками в Белосток и Гродно в декабре Костэк пытается найти разрозненные группы и по месту своего жительства в Лиде.

С этой целью он обратился к своему сослуживцу-сержанту, переехавшему после выхода в отставку в Лиду на жительство. Через него капитан познакомился с Антэком, создавшим несколько подпольных групп на объектах связи и транспорта. В частности, Антэк поддерживал контакты с железнодорожниками, телеграфистами, шоферами, слесарями, медиками и другими специалистами, которые помогли бы выполнить задачи подготовки к восстанию. Для капитана важным являлся тот факт, что Антэк вовлек в подполье большую группу местных жителей, работавших в качестве обслуживающего персонала на советском военном аэродроме. Эти мужчины были в основном механиками по обслуживанию и ремонту авиатехники, а также водителями аэродромного автохозяйства. Они могли сообщить немало ценных сведений об авиации Красной Армии. А во время восстания их можно было бы использовать для захвата или уничтожения аэродромной техники.

Для того, чтобы организация Антэка была управляемой и могла выполнить многие задачи, поставленные центром, капитан предложил подобрать, из состава уже привлеченных людей, командиров дружин, взводов и рот, которым поручалась проводить дальнейший подбор добровольцев. Наряду с вербовкой новых членов началась обширная подготовка к вооруженному восстанию. Было намечено организовать сбор информации о располагавшихся в Лиде воинских частях и добывать сведения об оружии для подпольщиков. Для этого нужно было опрашивать население, а также бывших солдат польской армии о спрятанном в большом количестве оружии. Многие из поставленных перед Антэком задач были выполнены им в ближайшие месяцы, и уже к марту 1940 года в данной организации насчитывалось до 60 человек из числа различных специалистов, которые выполняли намеченные для них поручения и задачи.